

Злата Лилина
"Любовь под монастырскими
сводами"



Злата Лилина

**Любовь под
монастырскими сводами.**

«Автор»

2026

Лилина З.

Любовь под монастырскими сводами. / З. Лилина — «Автор»,
2026

Может ли человеческая любовь стать преградой на пути к Богу, или же она - самое мощное оружие против тьмы? Петр и Мария мечтают о совместном будущем, но их путь пролегает через кельи монастыря и палаты, где бьется в конвульсиях одержимая девочка. В этой битве им предстоит столкнуться не только с демоном в образе Чёрного Козла, но и с осуждением братьев, собственной слабостью и призраками прошлого. Чтобы спасти невинную душу, им придется понять главную истину: только став единым целым, подобно апостолам, можно выстоять там, где отступает даже самая крепкая вера».

© Лилина З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свин.	5
Глава 2. Призри на смирение.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Злата Лилина

Любовь под монастырскими сводами.

Глава 1. Свин.

Море было все эти дни невероятно тихое и спокойное, даря людям любовь, память о Боге и о Иоанне Крестителе. Оно, будто, незримо вещало о вечном. Каждый раз, когда подходишь к нему и окунаешься в эти волны, то небо и море кажется одним целым, где не существует мирской суеты, забот и хлопот. К таким ощущениям уже привыкла Мария. Солнце сияло почти целую неделю, освещая ее домик у самого берега. Она глядела влюблёнными глазами на облака и птиц, навсегда растворяясь в тихой безмятежности зачарованной тишины. Но тишина тоже иногда бывает коварной, но сейчас она была самой благословенной. Машенька нарисовала в альбоме корабль в виде плота, посреди синего океана, и отпустила свою боль в далекое путешествие.

Она распустила волосы, надела темное платье чуть длиннее колен и направилась на кладбище. Для неё было отрадой и утешением бродить среди могил и надгробий, тем более, здесь была похоронена ее матушка. На самом деле, Мария не раз говорила папе, когда тот, пытался переубедить ее, запретив ей посещать погост, что это особое место, там тонкие границы между мирами, и можно встретить даже неупокоенные души. Но это не страшно, просто ее дух это очень сильно ощущал. Машенька останавливалась у могил, перекрещивалась и молилась за ушедших. Ей на дороге постоянно попадался один и тот же ворон, и она была уверена, что ее Ангел выглядит именно так. Это была особенная черная птица с голубыми глазами цвета неба.

Местный погост не был для нее и ее друга плохим местом. Для них оно стало садом тишины и молитвы, где время замедляло свой бег, а суета мира сего с «Мерседесами» оставалась далеко за чугунной оградой.

Мария любила здесь бывать и одна. Она писала, что здесь воздух пахнет иначе — мокрым камнем, старым деревом и чем-то неуловимым, что она называла «запахом вечности». Петр же находил здесь то, чего ему так не хватало в повседневной жизни — абсолютную честность.

— Посмотри, Маша, — тихо сказал Петр, останавливаясь у надгробия, поросшего изумрудным мхом, - здесь стерты все границы. Нет больше чинов, нет достижений, нет физической силы. Остается только то, что человек успел выжечь внутри своего сердца. В вечность пойдет душа наша и добрые дела. Здесь, среди забытых крестов, он казался воином, стоящим на часах у врат иного мира.

Однажды вечером, когда солнце уже коснулось горизонта, и тени удлинились, превращая ветви деревьев в страшные, костлявые руки, а могилы в людей, Мария неожиданно почувствовала странное волнение.

— Петр, тебе не кажется, что сегодня граница совсем тонкая? — прошептала она, кутаясь в бирюзовую шаль, — словно, кто-то смотрит на нас, но не с осуждением, а с надеждой.

Петр остановился и закрыл очи. Он глубоко вдохнул прохладный воздух. Его легкие, когда-то переборовшие болезнь, теперь жадно ловили этот покой. Он, как зачарованный глядел на нее всегда, будто, был одурманен ею. Ему было комфортно с ней, но и в то же время нелегко, потому что, он стеснялся и смущался ее взора, когда она любопытно глядела на него из под ресниц. Он на нетвердых ногах ступал рядом с ней, слегка отстраняясь, соблюдая небольшую дистанцию, и принимал серьезное выражение лица.

— Это святое место, Маша, — ответил он, не открывая глаз, - святое не потому, что здесь лежат праведники, а потому, что здесь человек предстает перед Богом в своей последней истине. Здесь молитва звучит чище, потому что ей не за что зацепиться в материальном мире.

В этот момент над ними пролетела птица. Ее голос, звонкий, как маленький колокольчик, прорезал сумерки. Марии показалось, что в ее перьях блеснули искры, похожие на далекие звезды или кусочки морского стекла. Птица запела — ярко, пронзительно, о любви, которая сильнее смерти, и о вере, которая греет, как теплая шаль. Они взглянули на нее — это был стриж.

Они долго простояли в тишине. Петр знал, что завтра он снова наденет свой подрясник, пойдет на службу. Но сейчас, здесь, он был просто человеком, стоящим на пороге вечности. Совсем скоро ему придется сделать выбор стать монахом или мирянином. Но монастырь оставить он тоже не мог...

— Знаешь, — сказала Мария, глядя на то, как последние лучи солнца золотят верхушки кипарисов, — я раньше искала «белого коня» и сказку. А теперь понимаю: сказка — это не когда всё идеально. Сказка — это когда среди тишины кладбища ты слышишь голос живого Бога и не боишься Ангела Смерти, потому что знаешь — за этими «бриллиантовыми окнами» сумерек нас ждут.

Петр распахнул вовсю очи и улыбнулся — той самой доброй и милой улыбкой, которую знали лишь немногие.

— Идем домой, — тихо сказал он, — на сегодня границы закрываются. Но свет, который мы здесь увидели, нужно донести до дома.

Они вышли за ворота.

Нежное дыхание наступившего мая ласкало душу, а за окном бушевало море, полыхая алыми отблесками, словно живой огонь. Вдалеке, над безбрежными просторами, порхали чайки, унося в своих крыльях прочь все беды и печали. Цветы, будто радуясь новому дню, раскрыли свои нежные лепестки, наполняя воздух тонким ароматом.

Ранним утром, когда первые лучи солнца лишь начинали окрашивать небо, пробудился Гавриил. Маленький дом, приютившийся на самом берегу моря, был наполнен тишиной и утренней прохладой. Ему исполнилось двадцать семь лет, и он был один. Один со своими мыслями, с шумом прибоя и необъятным простором перед ним. Он сел на кровати, потирая виски, что-то обдумывая. Он достал дневник и записал сегодняшнее число.

И вдруг пустота. Что сказать? Гавриил подошел к зеркалу. Ему исполнилось двадцать семь. Воздух благоухал: на побережье распустились все цветы разом, их аромат смешивался с солью и йодом. Чайки с криками пронеслись над самой крышей, и Гавриилу казалось, что на своих белоснежных крыльях они приносят любовь в сердце. Наступил возраст, когда юность еще не ушла, но уже начинает требовать ответов на сложные вопросы. Гавриил жил в этом маленьком домике на самом краю берега уже три года. Стены, выбеленные солью и солнцем, старый деревянный причал и скрипучее кресло на веранде — вот и весь его мир. Он встал, босиком прошел по прохладному полу и заварил крепкий чай. Одиночество в этот день ощущалось иначе, чем обычно. Оно не было горьким, скорее оглушительным. В его телефоне не светились десятки уведомлений, на столе не стоял именинный торт. Только он, море и этот пылающий рассвет.

— С днем рождения, Гавриил, — тихо произнес он, и его голос показался ему чужим в пустой комнате.

Грусть навалилась внезапно, как приливная волна. Он вышел на крыльцо, шурясь от яркого света. Почему в такой прекрасный день, когда мир вокруг буквально кричит о красоте, внутри него зияет пустота? Он вспомнил шумные праздники из детства, запах маминого пирога и смех друзей, которые со временем потерялись в лабиринтах взрослой жизни.

Он спустился к самой кромке воды. Волны ласково лизали его ступни, смывая остатки сна и тяжесть мыслей. Гавриил посмотрел на горизонт. Там, где море полыхало ярче всего, он вдруг заметил нечто необычное. На старом волнорезе сидела крупная чайка. Она не уле-

тала, когда он подошел ближе, а лишь склонила голову набок, разглядывая его своим мудрым, бусинным глазом.

В этот момент Гавриилу пришла в голову простая мысль: одиночество — это не отсутствие людей вокруг. Это состояние, когда ты забываешь, что являешься частью чего-то большего. Он посмотрел на распустившиеся цветы, на огненное море, на бескрайнее небо. Весь этот мир сегодня нарядился для него. Май подарил ему свое тепло, море — свой свет, а чайки — надежду на то, что печали не вечны. Парень не раз задумывался о смысле жизни, о любви и о Боге, но он во все это особо не верил. В чем смысл жизнь, думал, порой он... Люди тленные, рождаются, а потом умирают. Что такое любовь? Ведь сегодня она есть, а завтра ее нет.

Он глубоко вдохнул соленый воздух, и грусть все же начала медленно отступать, растворяясь в утреннем свете. Гавриил слегка улыбнулся. Ему было двадцать семь, у него был маленький дом у моря, и впереди был целый день — первый день его нового года.

Возможно, именно сегодня, когда старые беды унесены на крыльях птиц, в его дверь постучит кто-то еще, привлеченный светом этого майского пожара. А пока — у него было море. И этого было достаточно. Через пару минут, Гавриил надел простую темную футболку с джинсами, затянул кожаный ремень. Его фигура — крепкая, коренастая — излучала какую-то особую, земную надежность. Он зачесал длинные волосы назад, закрепив их, и вышел за порог.

До музея было тридцать минут пути. Солнце, уже взошедшее высоко, слепило нещадно. Ослепительный блеск отражался от каждой лужи, от каждой витрины. Гавриил шел, инстинктивно щурясь. В музее было прохладно и пахло свежестью. Сегодня была его очередь проводить экскурсию. Группа была разношерстной: праздные туристы, тихие старушки и несколько молодых пар. Гавриил вел их по гулким залам, рассказывая о картинах, экспонатов и истории стен. Голос его, глубокий и спокойный, будто, плыл над облаками, где Ангелы. К концу экскурсии он выглядел изможденным. Его утомляло всякое общество. Порой, ему хотелось друзей, но он быстро уставал от шума и людей, хотелось, как можно скорее скрыться от них, уйти, просто зарыться в себя, в свои мысли и внутренний мир.

Вечернее солнце уже не слепило, оно ласково золотило купола Церкви Иоанна Крестителя, чтоб была рядом с музеем. Сейчас звонили колокола, хоть парень был не особо верующим, но звон радостных колоколов его вдохновлял жить и радоваться, надеяться и любить. Он медленно пошел обратно к своему маленькому дому. Он вошел в комнату, снял пояс, распустил волосы. Опустился в старое кресло у окна, выходящего на берег. Море больше не полыхало огнем, оно стало глубоким, лиловым, успокоенным. Гавриил закрыл глаза и просто слушал. Постепенно, с каждым вздохом, напряжение уходило. Он снова был один. Но в этой тишине и в этом одиночестве не было горечи — только мир, такой же безбрежный, как майское море за его окном.

К вечеру майское солнце поднялось высоко, и был виден ослепительный золотой блеск. Тишина уединенного берега нарушилась: к морю потянулись редкие группы туристов, приехавших насладиться весенним теплом. Гавриил уже сидел на старом, отполированном волнами бревне, подставив лицо лучам. Он наблюдал за людьми, чувствуя себя сторонним зрителем на чужом празднике жизни, пока его взгляд не замер на одной фигуре. Высокая девушка стояла у самой кромки воды, там, где пена лизала песок. Она не была похожа на суетливых путешественников с селфи-палками. Ее волосы — целое облако ярких, непослушных кудрей цвета спелой меди — вспыхивали на солнце, словно продолжая тот утренний рассветный огонь. На ней было легкое светлое платье, которое подчеркивало ее мягкие, женственные формы. В ее фигуре, чуть полноватой и удивительно гармоничной, чувствовалась земная, уютная красота. Гавриил не заметил, как поднялся и пошел в ее сторону. словно чайки, уносившие его печали, теперь указывали ему путь.

Когда он подошел ближе, девушка обернулась. Ее лицо было усыпано веснушками — казалось, само солнце расцеловало ее щеки и переносицу. Но самым поразительным были

глаза: пронзительно голубо-зеленые, цвета морской волны на мелководье, они смотрели на мир с искренним любопытством.

- Красиво, правда? — первой заговорила она, голос у нее был теплым и чуть хриплым, - я первый раз вижу, такое море... Оно будто дышит.

Гавриил на мгновение забыл все слова. Одиночество, которое еще утром казалось ему тяжелым панцирем, вдруг треснуло и рассыпалось, — Оно сегодня празднует, — наконец ответил он, стараясь, чтобы голос не дрожал, - сегодня особенный день.

—Особенный? -она чуть склонила голову набок, и одна рыжая прядка упала ей на лицо.

— У меня день рождения, — признался он, удивляясь собственной откровенности с незнакомкой, - и я думал, что проведу в тишине. Но, кажется, море решило иначе.

Девушка рассмеялась — этот звук был похож на звон маленьких колокольчиков. Она протянула ему руку, и Гавриил заметил, что ее ладонь тоже в веснушках.

— Тогда с днем рождения! — сказала она. - А меня зовут Майя. Какое совпадение, правда? Майя в мае. А как тебя зовут?

— Я ,Гавриил, -ответил он, скромно опустив глаза.

В этот момент он почувствовал странный толчок в груди. Он смотрел в ее голубо-зеленые глаза и видел в них не только отражение моря, но и что-то бесконечно родное. В ее улыбке, в ее спокойной уверенности и в том, как она шурилась от солнца, была вся та жизнь, которой ему так не хватало в его маленьком доме. Он влюбился. Это не было похоже на удар молнии — скорее на то, как распускаются цветы под окном его дома: медленно, неизбежно и неоспоримо красиво. Грусть, томившая его с самого пробуждения, окончательно исчезла, унесенная ветром.

—Майя, — повторил он, пробуя имя на вкус, - ты веришь в подарки судьбы?

Она хитро посмотрела на него, и в ее глазах заплясали искорки.

—Смотря, какой подарок ты имеешь в виду.

—Самый лучший, —улыбнулся Гавриил, - тот который не ждешь, но в котором нуждаешься больше всего на свете.

Они пошли вдоль берега вместе. Двадцать семь лет Гавриила, которые еще утром казались ему бременем, вдруг превратились в начало новой,

удивительной главы. А чайки над ними продолжали кружить, одобряя этот союз, и море у их ног больше не полыхало пожаром — оно сияло тихим, безмятежным светом надежды.

Теперь, когда Майя и Гавриил шли плечом к плечу вдоль прибоя, контраст между ними стал еще очевиднее, и в этом было что-то магическое. Если Майя была воплощением солнца и весеннего цветения, то Гавриил казался ожившей тенью старинных легенд, случайно вышедшей к морю из густых лесов или старых замков. Майя украдкой взглянула на своего спутника, и ее дыхание на секунду перехватило. На фоне яркого майского неба его облик казался почти нереальным. Его длинные, иссиня-черные волосы, которые он небрежно заправлял за уши, развевались на ветру, путаясь в соленых брызгах. Они обрамляли лицо с кожей, бледной, даже несмотря на жизнь у моря, подчеркивая его суровую и утонченную красоту.

Но больше всего Майю поразили его глаза — пронзительно-голубые, цвета льда, который вот-вот растает под весенним солнцем. В них читалась глубина, которую Гавриил так старательно прятал от мира. Между бровями у него затаилась тонкая, четко прорезанная вертикальная морщинка — след частых раздумий или затаенной печали, которая не покидала его даже в моменты спокойствия. Его профиль был безупречен и строг: нос с характерной, гордой горбинкой придавал лицу волевое, почти хищное выражение, которое, однако, смягчалось его губами. Алые, четко очерченные, они казались слишком аристократичными для простого жителя побережья. В них чувствовалась скрытая чувственность и порода, словно Гавриил был последним представителем древнего, забытого рода.

—О чем ты задумался? -тихо спросила Майя, засмотревшись на то,как солнечный блик скользнул по его высокой скуле.

Гавриил повернул голову, и морщинка между его бровями на мгновение разгладилась. Он посмотрел на Майю, и его ледяные глаза потеплели, отражая зелень ее взгляда.

— О том, что утро обещало мне только одиночество, — ответил он, и его алые губы тронула едва заметная, робкая улыбка, - а теперь мне кажется, что этот берег никогда не видел ничего прекраснее твоих волос.

Майя покраснела, и ее веснушки стали еще заметнее. Гавриил со своими черными волосами и холодным взглядом казался ей прекрасным изваянием, которое она, сама того не зная, оживила своим присутствием. Он был воплощением благородной печали, а она — стихийной радостью, и в это мгновение на берегу моря два этих разных мира наконец-то соприкоснулись.

Гавриил внезапно остановился и поднял голову к небу. Там, в бесконечной лазури, застыли редкие перистые облака, похожие на обрывки старых писем. Ветер трепал его длинные черные волосы, а взгляд голубых глаз стал отрешенным и холодным, словно он смотрел не в небо, а сквозь время. Майя замолчала, почувствовав, как резко изменилось настроение ее спутника. Морщинка между его бровей прорезалась глубже, превращая его лицо в маску благородной скорби. Для Гавриила это море никогда не было просто красивым пейзажем. Оно было огромным кладбищем его сердца.

Он вспомнил тот день, много лет назад, когда берег огласил крик, который до сих пор эхом отзывался в его снах. Его младший брат, вечно смеющийся и непосредственный, исчез в этих жадных волнах. Море тогда было таким же ослепительным, но оно не вернуло его. Оно просто сомкнулось над ним, оставив Гавриилу лишь вечную вину за то, что он, старший, не уберег.

А потом была мама. Гавриил закрыл глаза, и перед ним возник ее образ: изнуренная долгой болезнью, бледная, как морская пена, она таяла на глазах. Последние месяцы ее жизни превратились в бесконечный цикл боли и надежды. Она всегда просила выносить ее кресло на берег. И в один из майских вечеров, когда солнце тонуло в воде, окрашивая мир в багрянец, она тихо ушла, прислушиваясь к шепоту прибоя. Ее рука, холодная и легкая, как сухая водоросль, соскользнула с его ладони прямо там, на песке.

Об отце он не знал ничего. Тот был призраком, тенью, человеком без лица, который оставил их еще до того, как Гавриил научился произносить свое имя. Всё, что у него было — это мать, брат и этот проклятый, прекрасный берег.

Гавриил глубоко вздохнул, и его алые губы плотно сжались. Он жил здесь не потому, что любил это место, а потому, что не мог оставить их одних. Ему казалось, что если он уедет, их тени окончательно растворятся в соленом тумане.

- Гавриил? — тихо позвала Майя, ее голос вернул его в реальность, - ты словно ушел куда-то очень далеко.

Он повернулся к ней. На фоне его тяжелых мыслей она казалась чем-то невероятным — живая, теплая, с волосами цвета огня, который не обжигает, а согревает. Его голубые глаза встретились с ее зелено-голубыми, и на мгновение ему стало страшно. Страшно от того, что в его мир, выстроенный из пепла и соли, ворвалось нечто настолько яркое.

— Это море... оно много забирает, Майя, — произнес он тихим, надтреснутым голосом, - иногда мне кажется, что я тоже часть его добычи.

Просто я еще не утонул.

Он замолчал, глядя на ее веснушки, и в голове пронеслась шальная мысль: может быть, именно сегодня, в его двадцать седьмой день рождения, море решило не забирать, а впервые что-то вернуть ему? Подарить живую душу вместо тех, что оно когда-то отняло. Гавриил задумался, глядя на горизонт, где по-прежнему кружили чайки — те самые, что уносили печали.

Но его печаль была слишком тяжелой даже для сотен птичьих крыльев. Ее могла разделить только она — девушка, пахнувшая солнцем и весенним ветром.

Они шли вдоль кромки воды, и тени от скал становились длиннее, ложась на песок причудливыми узорами. Майя говорила тихо, и в ее голосе слышался рокот прибоя.

— Я совсем одна в этом мире, Гавриил, — произнесла она, глядя на свои босые ноги, - горькая сиротка, за которой тянется шлейф чужой злобы, одиночества и несчастья... Меня столько раз проклинали в тех краях, где я бывала... Люди боятся странников, боятся тех, кто не похож на них. У меня нет ни дома, ни родных, ни души, кто ждал бы меня вечерами.

Гавриил слушал ее, и каждое слово отзывалось в нем острой болью. Он видел в ней отражение собственного одиночества. Его ледяные голубые глаза теплели, когда он смотрел на ее веснушки и яркие кудри, которые в сумерках казались затухающими углями.

— Теперь ты не одна, — уверенно ответил он, - мы с тобой познакомились. Ты мне нравишься, и я тебя никогда не брошу, обещаю тебе, маленькая.

Он пригласил ее в свой маленький дом, пахнувший старым деревом, солью и высушенными травами. Внутри было уютно и тихо. Гавриил зажег одну единственную свечу, и ее неровный свет заплясал на его аристократичном лице, выделяя горбинку на носу и глубокую морщинку между бровями.

Они сидели друг напротив друга в большой комнате, в гостиной. Воздух казался густым, наэлектризованным. Гавриил протянул руку и коснулся её лица. Майя закрыла глаза, и в этот момент он почувствовал, что вся его прошлая жизнь, полная траура по брату и матери, была лишь долгим сном перед этим мгновением. Он склонился к её алым губам. Поцелуй был сначала робким, но в следующую секунду мир вокруг Гавриила взорвался.

Вместо мягкости женского тела он вдруг почувствовал грубую, щетинистую кожу. Раздался жуткий, нечеловеческий хруст костей. Воздух в комнате наполнился тяжелым, животным запахом. Гавриил в ужасе отпрянул, но было поздно. Перед ним больше не было прекрасной девушки. В тусклом свете красной свечи стояла огромная, уродливая свинья с налитыми кровью глазами.

Существо издало пронзительный, леденящий душу визг и с невероятной силой бросилось на него. Гавриил упал на пол, больно ударившись затылком. Тяжелая туша навалилась сверху, придавливая его к доскам. Короткие, мощные передние конечности, в которых все еще угадывалось что-то пугающе человеческое, сомкнулись на его горле. Гавриил хрипел, пытаясь разжать эту хватку, его пальцы судорожно цеплялись за грубую щетину, но силы покидали его. Зрение начало застилать пеленой. Стены дома поплыли, свет свечи превратился в яркое пятно, напоминающее то самое утреннее море. И в этой наступающей темноте, в последние секунды перед забытием, перед его внутренним взором внезапно возникла мама. Он увидел ее так ясно, будто она стояла в дверях: ее добрые глаза, ее печальный, но любящий взор. Он услышал ее голос, тихий и нежный, поющий старую колыбельную. В носу вдруг защекотал забытый аромат — запах ее фирменного черничного пирога, только что вынутого из печи, теплый и сладкий запах дома, где не было места проклятиям и злу.

- Мама... — пронеслось в его угасающем сознании.

Гавриил обмяк, и его руки упали на пол. Последнее, что он запомнил, была тень огромного зверя, заслонившая собой весь мир.

Когда сознание вернулось к Гавриилу, первым, что он почувствовал, была жгучая боль в горле и ледяной пол под спиной. Он с трудом приоткрыл веки. Зрение было мутным, но прямо перед собой он увидел очертания женской фигуры. Это была Майя. Но теперь она не казалась той робкой, несчастной сироткой, которую он встретил на берегу. Она сидела на корточках рядом с ним, и в тусклом свете затухающей свечи её красота казалась неестественной, почти пугающей. Рыжие кудри ореолом рассыпались по плечам, а на лице играла широкая, торже-

ствующая улыбка. Она улыбалась так сильно, что обнажились почти все её зубы, и этот оскал был по-настоящему хищным.

—Ма...ма...- прохрипел Гавриил, пытаясь вдохнуть, но голос не слушался, из горла вырывался лишь сиплый звук.

Майя издала короткий, сухой смешок. В её голубо-зеленых глазах больше не было ни капли тепла — только холодный расчет и облегчение.

— Тише, именинник, — ласково произнесла она, погладив его по бледной щеке, ее пальчики были холодными, как морская галька, - не трать силы.

Гавриил смотрел на нее с ужасом, вспоминая тяжелую тушу и хрип зверя, который только что душил его.

— Ты, наверное, хочешь знать, что это было? — Майя чуть склонила голову набок, любуясь его беспомощностью, - это проклятие, Гавриил. - Очень старое и очень голодное. Проклятие свиньи. Она поднялась на ноги и начала медленно прохаживаться по комнате.

— Со мной поступили точно так же, как я сейчас с тобой. Я была несчастна, Гавриил, я была заперта в этом теле зверя, которое просыпалось и требовало крови. Но есть один секрет, — она снова обернулась к нему, и её зубы блеснули в полумраке, - проклятие можно передать. Но только в тот момент, когда человек находится на грани. Между жизнью и смертью, когда душа уже наполовину вышла из тела, но еще цепляется за него. Ты по ночам будешь превращаться в свинью, либо можешь передать это проклятие, малыш.

Гавриил содрогнулся. Он понял: она не просто его душила, она вымеряла каждую секунду, чтобы он не умер, но и не остался в сознании.

- Пока ты бредил своими воспоминаниями о маме и её пирогах, я читала заговор, — продолжала Майя, и её голос зазвучал напевно, как будто она снова произносила те темные слова, - я отдала его тебе. Заговор. А каждое слово, каждый вздох зверя теперь — твои. Я чиста. Я свободна.

Она подошла к зеркалу, висевшему на стене, и с наслаждением поправила волосы. Теперь она выглядела идеально.

- Теперь это твой дар, Гавриил, — бросила она через плечо, - твой крест. Ты можешь носить его до конца своих дней, превращаясь в чудовище в моменты страсти или гнева. А можешь найти другого... другого одинокого, доброго человека с разбитым сердцем. И когда он будет на грани смерти — просто прошепчи ему заговор.

Она подошла к двери, на мгновение остановилась и посмотрела на него в последний раз.

- С днем рождения, Гавриил. Ты хотел, чтобы этот день был особенным. Что ж, я подарила тебе вечную жизнь... или вечное проклятие. Выбирай сам.

Дверь скрипнула и захлопнулась. Гавриил остался один в тишине своего дома. Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как внутри него, в самой глубине груди, что-то начало ворочаться — тяжелое, щетинистое и бесконечно голодное. За окном всё так же шумело море, и чайки, которые еще утром казались ему символом надежды, теперь кричали, словно празднуя чью-то неминуемую гибель.

Ночь опустилась на побережье, но это была не та ласковая майская темнота, которую Гавриил любил раньше. Теперь она принесла с собой невыносимую, ужасающую боль. Он стоял перед зеркалом, судорожно вцепившись пальцами в края комода. Его длинные черные волосы слиплись от пота, а аристократическое лицо исказилось в гримасе мучения. Внезапно кости начали перестраиваться с ужасающим хрустом. Кожа на руках стала грубеть, покрываясь жесткой серой щетиной. Его изящный нос с горбинкой

расплывался, превращаясь в плоский, влажный пяточок. Из зеркала на него взглянуло чудовище. Вместо голубых глаз — маленькие, налитые кровью бусинки, полные животного страха. Вместо алых губ — тяжелая, слюнявая челюсть. Это был не просто кабан, это было

искаженное, уродливое подобие существа, в котором всё еще теплились остатки человеческого сознания.

— Нет! — попытался закричать он, но из горла вырвался лишь оглушительный, захлебывающийся визг.

Охваченный безумием и отвращением к самому себе, Гавриил выбежал из дома. Копыта гудело стучали по деревянному крыльцу. Он мчался к морю, надеясь, что соленая вода смоет этот кошмар или утопит его навсегда. Он бежал мимо тех самых цветов, что распустились утром, и их нежный аромат теперь казался ему тошнотворным на фоне его собственного тяжелого, звериного запаха. Он добежал до кромки воды и замер. В отражении лунной дорожки на него снова смотрел свин. Гавриил упал на колени — или на то, что стало его передними ногами — и зарылся рылом в холодный мокрый песок. В голове, словно капли яда, всплывали слова заговора, которые Майя оставила ему перед уходом. Она прошептала их ему прямо в сознание, когда он был в забытьи. Он знал каждое слово. Он знал, что нужно сделать.

«Найди того, кто слаб. Того, кто одинок. Доведи его до грани, когда душа начнет покидать тело, и шепни...»

Но как? Гавриил вспомнил взгляд матери. Вспомнил, как она учила его состраданию, даже когда им самим было нечего есть. Как он может обречь живую душу на этот ад? Как он может смотреть в глаза человеку и знать, что через минуту этот человек превратится в такое же уродство, а Гавриил будет гулять по берегу в своем красивом теле, зная, какой ценой куплена эта свобода? «Жалко ли мне? — думал он, и свиное сердце бешено колотилось в груди. — Да, мне жалко. Но смогу ли я так жить? Каждую ночь становиться этим...» Найти жертву было легко и одновременно невозможно. Летом сюда приедут сотни туристов. Одинокие девушки, ищущие любви, как Майя.

Старики, доживающие свой век. Юноши, мечтающие о море. Любой из них мог стать его спасением и его вечным проклятием. Чтобы передать проклятие, он должен был стать убийцей — не физическим, но духовным. Он должен был украсть чужую жизнь, чтобы вернуть свою. Гавриил поднял голову к небу и издал долгий, протяжный вой, в котором уже не было ничего человеческого. Море равнодушно катило волны к его уродливым ногам. Чайки спали, спрятав головы под крылья.

Он понял, что его жизнь превратилась в бесконечный зал ожидания. Теперь он — хищник, который будет ждать свою добычу. Но в его голубых (днем) глазах навсегда поселится та самая тень, которую он видел у Майи. Сможет ли он совершить это? Или он выберет остаться свинном, сохранив в себе человека? Ночь была долгой, а до рассвета, когда он снова станет прекрасным Гавриилом с аристократичными губами, было еще целое море страданий.

Глава 2. Призри на смирение.

Пока на материковом берегу Гавриил в зверином обличье рыл песок и выл на луну, в нескольких милях от него, на скалистом острове, затерянном в ночном тумане, царила иная тишина. Там, в скиту, где время замерло в запахе ладана и воска, теплилась жизнь молодого инока Петра.

Петру было двадцать лет. С тех пор как, пятилетнего мальчика волны моря принесли к берегу острова, он был там. Тогда был страшный шторм. Волны бились о скалы монастырского острова с такой силой, будто хотели снести скит в пучину. Утром, когда буря утихла, монахи, вышедшие собирать прибитые к берегу водоросли, нашли на мокрых камнях чудо. Между острыми валунами, в пене и обломках дерева, лежал маленький мальчик. Ему

было не больше пяти лет. Он был едва жив, посиневший от холода, но его крошечные пальцы крепко сжимали обрывок темной ткани — кусок материнского платья. Отец Силуан, тогда еще молодой монах, поднял его на руки. Мальчик открыл глаза — пронзительно-голубые, как само небо после грозы, — и зашелся в крике.

—Мама! - звал он, захлебываясь слезами, - домой! Хочу домой!

Но монахи, жившие в строгом уединении, увидели в этом не трагедию, а божественный знак. «Море забрало его у мира и отдало Богу», — решили они.

- Петр, - произнес глядя на него Силуан и погладил его по головке, затем перекрестил его и повел в Храм.

Батюшка рассказал ему о Господе, о Богородице и о горнем мире. Он прочел ему Евангелие от Матфея. Мальчик смиренно и робко слушал его, и сердце Силуана наполнилось отеческой любовью. Он оставил его в скиту. Долгие месяцы маленький уже Петр плакал по ночам, звал брата, умолял отпустить его на тот берег, где в дымке виднелись очертания далеких домов. Он пытался бежать, бросался в воду, надеясь доплыть до матери, но старцы мягко, но твердо возвращали его назад. Они считали, что спасают его душу от грешного мира, не понимая, что разбивают его сердце.

Со временем крики утихли. Петр вырос в тишине молитв, облаченный в черное, с глазами, полными затаенной печали. Он забыл лицо матери, забыл голос брата, но в глубине его души всё еще жил тот пятилетний мальчик, который ждал, что за ним придут. И вот теперь, спустя много времени, Петр стоял перед иконой «Призри на смирение», и его слезы капали на холодный пол. Он чувствовал — сегодня что-то случится. Море, когда-то принесшее его сюда, снова что-то замышляло.

Он не знал иного мира, кроме суровых келий, шума прибоя о монастырские стены и бесконечного шепота молитв. Его лицо, еще не тронутое мирскими страстями, казалось прозрачным в свете лампад. В ту ночь Петр не спал. Он стоял на коленях перед иконой Божией Матери «Призри на смирение». Лик Пречистой Девы, кротко склонившей голову, смотрел на него с древней доски. Петр плакал. Его слезы не были слезами отчаяния, как у Гавриила; это были слезы сокрушения и странной, необъяснимой боли за весь мир, который он чувствовал кожей через стены своего скита.

- Пресвятая Богородица, — шептал он, и голос его дрожал, - укрепи, помилуй, не оставь мечущихся в темноте...

Он чувствовал, как этой ночью воздух над морем стал тяжелым и липким. Словно какая-то древняя скверна поднялась со дна или пришла с берега. Дверь кельи тихо скрипнула. В проеме показалась высокая фигура в черной рясе — явился старец, отец Силуан. Его седая борода серебрилась в полумраке, а глаза, видевшие на своем веку и бесовские искушения, и божественный свет, смотрели на Петра с отеческой тревогой. Силуан был единственным, кого Петр знал вместо отца.

- Не спишь, Петр? — тихо спросил старец, подходя ближе и кладя тяжелую, пахнущую землей руку на плечо юноши.

- Отче, на сердце тяжесть, — признался Петр, отирая слезы рукавом подрясника, - кажется, будто кто-то совсем рядом кричит от боли, но не человеческим голосом. Будто душа живая в капкане бьется.

Отец Силуан посмотрел в сторону окна, за которым рокотало ночное море. Он долго молчал, перебирая четки.

- Мир полон страданий, о которых ты, в чистоте своей, и помыслить не можешь, — медленно проговорил монах, - есть раны, которые наносятся не мечом, а словом злым и заговором темным. Море сегодня неспокойно... Оно несет к нашему острову чью-то беду.

Петр поднял глаза на наставника.

- Можно ли помочь такой душе, батюшка?

- Помочь можно только любовью, которая выше страха смерти, — ответил Силуан, глядя на икону, - но помни, Петр: зло хитро. Оно часто приходит в облике несчастном, прося милости, чтобы взамен забрать твой свет.

В это время на другом берегу Гавриил, вновь ставший человеком с первыми лучами рассвета, сидел на пороге своего дома. В его голове созрел план. Он слышал о ските на острове. О монахах, которые принимают любого страждущего. «Монах, — подумал Гавриил, и его алые аристократичные губы искривились в горькой усмешке, - монахи должны жертвовать собой ради других. Это их путь. Если я приду к ним, если я покажу им свою муку... Неужели Бог не захочет, чтобы я снова стал человеком за счет того, кто и так уже отдал свою жизнь небу?» Он вспомнил заговор Майи. Текст горел в его памяти огненными буквами. Осталось только найти того, кто согласится «призреть на его смирение» и подойти достаточно близко, когда наступит роковой час между жизнью и смертью. Гавриил начал готовить лодку. Он еще не знал, что на острове, перед иконой, Петр уже молится за него, призывая на помощь ту самую милость, которую Гавриил собирался украсть.

Гавриил шел к скиту, шатаясь от усталости. Он искал жертву. Кого-то чистого, кого-то, кто не будет сопротивляться, кто примет его боль как свою. Первые лучи солнца едва коснулись верхушек вековых сосен, когда Гавриил, преобразившись полностью в человека, направился туда. Он оттолкнул лодку от берега. Утренний туман, густой и белый, как парное молоко, стелился над самой водой, скрывая очертания берегов. В этой предрассветной тишине каждый звук казался оглушительным: и тихий плеск воды о борт, и мерный скрип деревянных уключин. Гавриил греб неспешно, привычными, отточенными движениями. Холодная роса осела на его огрубевших ладонях, но он не замечал холода. Его взгляд был устремлен вперед, туда, где из тумана постепенно проступал темный силуэт острова. Там, скрытый в лесной чаще, стоял скит — место тишины и уединения.

Море сегодня было удивительно спокойным, словно замерло в ожидании нового дня. Гавриил любил эти часы. В это время мир казался чистым, еще не тронутым суетой и заботами. С каждым гребком лодка разрезала зеркальную гладь, оставляя за собой расходящиеся круги, которые быстро исчезали в дымке. Когда нос лодки мягко ткнулся в прибрежный песок, солнце уже поднялось выше, окрашивая небо в нежно-розовые и золотистые тона. Гавриил вышел на берег, закрепил лодку и на мгновение замер. Отсюда, снизу, уже был виден крест на Церкви, сверкающий в первых лучах.

Воздух на острове был другой — густой, пахнущий хвоей, влажным мхом и ладаном, который, казалось, навечно впитался в эти камни и деревья. Поднимаясь по узкой тропинке к скиту, Гавриил чувствовал, как непривычное спокойствие наполняет его душу. Мысли были — прозрачными, как вода в море. Он подошел к тяжелой дубовой двери Храма, перекрестился и тихо произнес: «Господи, спаси». На острове начиналась жизнь, невидимая для мира, но полная своего глубокого, негласного смысла.

Вдруг, он увидел молодого монаха. Когда их глаза встретились — голубые напротив голубых, — воздух между ними словно застыл. Гавриил увидел перед собой юношу, чье лицо было удивительно знакомым, словно отражение в кривом зеркале времени. А Петр... Петр вдруг почувствовал, как в груди кольнуло забытое, детское тепло. Запах соли, черничного пирога и чего-то родного, что он потерял давным-давно.

— Мне плохо, — прохрипел Гавриил, хватаясь за горло, на котором еще виднелись следы пальцев Майи, - помогите мне... я умираю.

Петр, не помня себя от сострадания, подхватил незнакомца под руку.

— Иди, брат мой. Здесь ты в безопасности. Мы поможем. Идем, сейчас начнется Божественная литургия. Мне кажется, я знаю тебя.

Гавриил опустил голову, чтобы скрыть торжествующую и одновременно горькую усмешку. Он не узнал в этом монахе своего брата. Для него это был просто «объект», сосуд, в который он собирался перелить свой яд. Он не знал, что собирается убить ту самую душу, по которой плакал все несколько лет.

Божественная Литургия началась в предрассветных сумерках, когда золотой свет свечей едва разгонял густой синий полумрак Храма. Гавриил стоял в углу, прислонившись к холодной каменной стене. Дым ладана обволакивал его, смешиваясь с запахом моря, который он принес на своей одежде.

Впервые за долгие годы он слышал эти песнопения. Голоса монахов взлетали к куполу, и среди них выделялся один — чистый, высокий, наполненный неземной силой. Это пел Петр. Гавриил смотрел на него через пелену кадильного дыма и чувствовал, как внутри него что-то болезненно сжимается. Ему казалось, что он стоит на краю пропасти: с одной стороны был этот свет и покой, а с другой — черная бездна, в которой уже ворочался зверь. Заговор в кармане казался раскаленным углем, обжигающим бедро.

Когда служба закончилась, Петр подвел Гавриила к отцу Силуану. Старец ждал их в притворе, его взгляд был глубоким и пронизательным, словно он видел не только лицо Гавриила, но и ту тьму, что затаилась у него под сердцем. Они остались одни. Гавриил, не выдержав тяжести тайны, заговорил. Он рассказал всё: о Майе, о поцелуе, о страшном превращении в уродливого свина и о заговоре, который должен был спасти его ценой чужой души. Он говорил быстро, захлебываясь словами, его алые губы дрожали, а морщинка в межбровье превратилась в глубокий шрам. Отец Силуан слушал молча, перебирая четки. Когда Гавриил замолк, старец положил руку ему на плечо.

— Сын мой, — тихо произнес он, — то, что ты называешь спасением, есть лишь погибель. Ты хочешь купить свободу ценой чужого ада? Разве можно вылечить рану, нанеся ее другому?

— Я не могу так жить! — вскричал Гавриил, - каждую ночь я становлюсь чудовищем! Я хочу быть собой!

— Твой путь теперь другой, — твердо ответил отец Силуан, - это твой крест, Гавриил. Тяжелый, горький, но твой. Тебе нужно смириться перед волей Господней. Оставайся здесь. Ходи на службы, молись, исповедуйся и причащайся. Смири свое сердце, и, быть может, Господь, видя твоё покаяние, сам решит — нужно ли снимать с тебя это бремя. Смирение — вот единственное лекарство.

Слово «смирение» ударило Гавриила, как хлыст. Внутри него вспыхнуло яростное, непокорное пламя. Смириться? Ждать милости, будучи каждую ночь зверем?

— Смириться?! — его голос сорвался на крик, эхом разнесшийся по тихому Храму, - ты предлагаешь мне гнить заживо в этой шкуре?! Старик, ты не понимаешь моей боли!

Гнев закипел в его жилах, смешиваясь с проклятием. На глазах у ошеломленного старца лицо Гавриила начало искажаться. Нос расплылся, челюсть выдвинулась вперед, и на пару мгновений из-под черных волос проступило рыло дикого, яростного кабана. Раздалось жуткое

хрюканье, смешанное с человеческим стоном. Но трансформация так же быстро отступила, оставив Гавриила тяжело дышащим, с обезумевшими глазами. Он снова был человеком, но в его облике теперь было больше зверя, чем в самую темную ночь.

— Будьте вы прокляты со своим смирением! — проорал он, отталкивая батюшку Силуана.

Гавриил вылетел из Храма, не замечая Петра, который стоял во дворе с корзиной хлеба и смотрел на него с невыразимой печалью и любовью. Гавриил бежал вниз по тропинке, спотыкаясь о корни сосен, преследуемый запахом ладана, который теперь казался ему удушливым.

Он добежал до берега, прыгнул в лодку и яростно оттолкнулся от острова. Его руки, всё еще дрожащие от гнева, впились в весла.

— Я найду другого! — кричал он в пустоту моря, - не буду рабом этого проклятия!

А на берегу, у самой кромки воды, стоял Петр. Он смотрел вслед уплывающей лодке, и по его щекам текли слезы. Он не знал, почему этот красивый и страшный человек так ранил его сердце, но он чувствовал, что их связь глубже, чем просто случайная встреча в тумане.

Гавриил греб прочь, к материку, к людям, не зная, что в эту минуту он убегает от единственного человека, который мог бы разделить его ношу по любви, а не по заговору. Проклятие свиньи торжествовало: оно питалось его гневом, становясь с каждой минутой всё сильнее.

Солнце уже поднялось выше, и туман над островом начал таять, обнажая суровые контуры скал. Гавриил уже скрылся за дымкой, но тяжелое эхо его криков всё ещё, казалось, вибрировало в воздухе монастырского двора.

Петр вышел из тени колонны. Он стоял там всё это время, сжимая в руках четки, и каждое слово Гавриила резало его по сердцу. Он видел это страшное, мгновенное превращение — видел, как чистый лик незнакомца исказила звериная маска. Но вместо ужаса Петр почувствовал лишь безграничную, разрывающую душу жалость.

— Отче, — тихо позвал он, подходя к старцу Силуану, - я слышал всё.

Старец медленно повернулся. Его лицо выглядело очень старым и изможденным в ярком утреннем свете. Он тяжело оперся на свой посох.

— Знаю, что слышал, Петр. У тебя чуткое сердце, а такие сердца первыми принимают на себя удар.

— Я хочу спасти его, отче, — голос юноши окреп, - он ведь не по своей воле несет этот ужас. Его обманули, его предали. Разве мы можем оставить его в такой беде? Я готов... я готов помочь ему нести этот крест. Если нужно, я пойду за ним.

Силуан строго посмотрел на своего воспитанника. В его глазах светилась не только мудрость, но и страх за этого чистого юношу, которого он вырастил как сына.

— Не смей даже помышлять об этом, — сурово ответил старец, - ты не понимаешь, с какой древней и темной силой имеешь дело. Тот заговор, о котором он говорил, — это яд, который пожирает не только тело, но и душу. Если ты попытаешься вмешаться без воли Божией, ты сам пострадаешь. Ты можешь потерять всё, что обрел в этих стенах. Его путь — это путь борьбы с собственной гордыней. Пока он не смирится, никто не сможет ему помочь.

— Но он же погибнет там, один! — воскликнул Петр, и слезы снова подступили к его глазам.

— Молись за него, — отрезал отец Силуан, - молитва — единственное оружие, которое тебе дозволено. А теперь иди в свою келью. Остынь и подумай о том, что смирение нужно не только ему, но и тебе.

Петр низко поклонился, не смея перечить наставнику, но внутри него всё кричало от несправедливости. Он медленно пошел по тропинке к своему маленькому жилищу, скрытому среди сосен.

Воздух был полон ароматов хвои и моря, но Петр не замечал красоты. Он вспоминал лицо Гавриила. Почему оно так преследовало его? Почему при виде этого человека в его памяти всплывали обрывки снов: вкус маминого пирога, теплая рука, сжимающая его ладонь, и чей-то голос, зовущий его по имени, которого он не носил уже четырнадцать лет?

У порога кельи его ждал старый серый кот по имени Дымок. Кот был единственным существом на острове, которому Петр мог доверить свои самые сокровенные мысли. Почувствовав печаль хозяина, Дымок звонко мяукнул и потерся головой о его ноги, обвивая хвостом подол черного подрясника.

Петр зашел внутрь. Келья была маленькой и бедной: узкая кровать, стол с книгами и икона в углу. Он сел на лавку, и Дымок тут же запрыгнул к нему на колени, устраиваясь поудобнее, и начиная свое мерное, успокаивающее мурлыканье.

Юноша гладил мягкую шерсть кота, глядя в окно на синюю полосу моря. Там, где-то за горизонтом, Гавриил сейчас боролся со своим гневом и страхом.

— Дымок, он ведь мой брат... — прошептал Петр, и сам испугался своего открытия, - я не знаю, как это объяснить, но я чувствую это каждой каплей крови. Как я могу бросить его?

Кот лишь прикрыл глаза, продолжая мурлыкать, словно сочувствуя неразрешимой задаче своего друга. Петр взял в руки старую Псалтирь, но буквы расплывались перед глазами. Он понимал, что старец Силуан прав — лезть в пасть к зверю опасно. Но он также знал, что любовь «не ищет своего» и не боится ран.

В тот вечер Петр долго не зажигал свечу. Он сидел в темноте, слушая тишину острова, а в его голове созревал план, который шел вразрез со всеми правилами монастыря, но который диктовало ему его любящее сердце. Он еще не знал, что Гавриил уже вернулся на берег и, ослепленный гневом, начал искать свою первую жертву среди людей.

Вернувшись на материк, Гавриил не пошел сразу домой. Он бродил по набережной. Солнце палило, и яркие краски курортного дня вызывали у него приступы тошноты. Он смотрел на туристов. Вот молодая пара смеется, поедая мороженое. Вот пожилой мужчина читает газету в тени зонтика. Вот шумная компания молодежи бежит к воде. Раньше он бы не обратил на них внимания, но сейчас внутри него что-то глухо рычало. Проклятие свиньи начало пускать корни в его душу: он видел в людях не братьев, а лишь «материал», сосуды для своего избавления. Злоба, тяжелая и липкая, застилала глаза.

«Почему я? — думал он, вглядываясь в лица прохожих, - почему я должен страдать, а они — радоваться жизни? Кто-то из них сегодня может стать мной. Одно слово, один вздох... и я снова буду свободен». Он прищурился, заметив одну одинокую женщину, которая сидела на краю пирса, печально глядя вдаль. Она выглядела слабой, изможденной — идеальная цель. Гавриил сделал шаг к ней, его рука в кармане сжалась на листке с заговором. Но в этот момент в его голове, перекрывая шум прибоя, зазвучал голос Петра, поющего на Литургии. Чистый, невинный голос, в котором не было ни капли яда. Гавриил замер. Он вспомнил лицо старца Силуана — его спокойные, всевидящие глаза. «Разве можно вылечить рану, нанеся ее другому?» — эхом отозвались слова монаха. Гавриил посмотрел на свои руки. Они были бледными, аристократичными, но могут стать в крови. Если он передаст проклятие, он навсегда убьет в себе человека — даже если его лицо останется прежним. Он станет таким же, как Майя: красивой оболочкой с мертвым, звериным сердцем.

Резко развернувшись, он почти бегом бросился прочь от пляжа, от людей, от искушения. Он вернулся в свой маленький домик на берегу. Здесь всё еще пахло Майей — легкий, обманчивый аромат, который теперь вызывал у него содрогание. Гавриил сел на пол прямо у двери. Морщинка между его бровями прорезалась так глубоко, что казалось, она останется там навечно.

— Старец прав, — прошептал он в пустоту комнаты, - если я отдам это другому, я стану хуже того зверя, в которого превращаюсь.

Он достал листок с заговором. Его алые губы сжались в узкую линию. Медленно, дрожащими пальцами, он начал рвать бумагу на мелкие кусочки. С каждым клочком, падающим на пол, ему казалось, что он отрывает от себя часть надежды на легкое спасение.

— Это мой крест, — повторил он слова Силуана, и на этот раз в его голосе не было гнева, только бесконечная усталость, - мой день рождения. Мой подарок. Мое наказание.

Вечерние сумерки начали сгущаться. Гавриил знал, что скоро наступит ночь, и его тело снова начнет предательски меняться. Но теперь в его душе, среди тьмы и страха, затеплилась крошечная искра — смирение, о котором говорил старец. Он подошел к окну и посмотрел на далекий остров, где среди деревьев сиял крест. Он не знал, что там, в своей келье, Петр, поглаживая кота Дымка, молится за него так истово, как не молился никогда в жизни.

Гавриил опустился на колени перед окном. Он не умел молиться, он не знал слов, но он просто смотрел на море и шептал:

— Помоги мне... если Ты слышишь. Не дай мне стать зверем внутри.

Ночь накрыла берег черным покрывалом. Кости Гавриила снова начали хрустеть, кожа грубеть, а человеческий крик перешел в надрывный визг. Но в эту ночь уродливый свин не побежал к людям. Он остался запертым в доме, один на один со своей мукой, добровольно приняв свою ношу, чтобы мир остался прежним. Это была его первая победа над проклятием — победа человека над зверем.

Несмотря на годы, проведенные в стенах скита, Петр так и не принес монашеских обетов. Он носил подрясник и жил по уставу, но в глубине души всё еще оставался тем маленьким мальчиком, который смотрел на горизонт в надежде на спасение. Его жизнь в изоляции сделала его робким и асоциальным: он терялся при виде незнакомцев, не знал законов мирской жизни и чувствовал себя по-настоящему спокойно только в тишине Храма или в компании Дымка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.